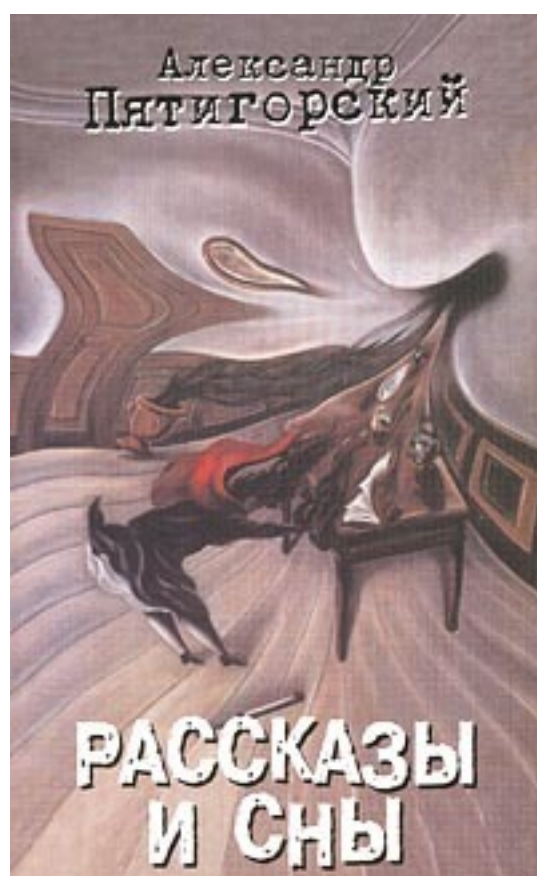

Александр
Пятигорский

РАССКАЗЫ
И СНЫ

Рассказы и сны

Александр Пятигорский

В другой компании

«Public Domain»

1993

Пятигорский А. М.

В другой компании / А. М. Пятигорский — «Public Domain»,
1993 — (Рассказы и сны)

Александр Пятигорский – известный философ, автор двух получивших широкий резонанс романов «Философия одного переулка» и «Вспомнишь странного человека...». Его новая книга – очередное путешествие внутрь себя и времени. Озорные и серьезные шокирующие и проникновенные, рассказы Пятигорского – замечательный образчик интеллектуальной прозы.

Александр Пятигорский В другой компании

Памяти Никиты Михайловского

Это – не сон, хотя сродни сну по существеннейшей особенности последнего – внутренней окончательности. Того, что с тобой происходит и самого тебя, окончательности, не предусмотренной в бодрствовании. В одном моем недавнем сне я был влюблен в одну незнакомую мне даму, которая настояла на том, чтобы я написал ей любовное письмо в ее присутствии. Мне было нелегко это сделать – во сне трудно пишется. Я написал, что наша любовь – в разделенности, которая подтверждается и ее желанием видеть, как я пишу это письмо. «*My Darling Darling*», выводил я неуклюжие строки, я умираю от любви к тебе. Я люблю твою любовь ко мне, отделенную от остальной твоей жизни и от моей любви к тебе твоим и моим прошлым, но

моя любовь совсем другая. Я могу быть только одним». Может быть, окончательность сюжета этого сна перешла в этот рассказ вместе с мечтой об окончательности того, что есть жизнь и ты сам, об их неразделенности.

История, о которой будет идти речь, знает несколько различных версий, каждая из которых прекрасно подтверждается фактами, но тем хуже для фактов, ибо это – *моя* история. Я – ее драматург, режиссер, один из ее актеров и даже (что немаловажно!) суфлер. Более того, я же и ее единственный зритель. Последнее утверждение может вызвать серьезные возражения, как, впрочем, и подобное утверждение относительно любого виденного мною сна. В самом деле, почему бы не допустить, что мой сон может быть увиден и кем-то другим, быть и *его* сном? Да, но если это так, то будет ли это *тот же* сон? Однако, повторяю, это – не сон.

Были и другие возражения и упреки, высказанные мне другими актерами той же пьесы, – их так легко не отбросишь. Но этих актеров так немного, – если брать только живых, то раз два и обчелся, – так что не с кем будет и спорить.

И наконец, нельзя до бесконечности спекулировать на своем прошлом, забирать товар даром и продавать, пусть даже за самую ничтожную плату. Наступает момент, когда ты его продаешь в последний раз. Этот рассказ – о таком моменте.

Итак, когда однажды – это случилось 19 января 1991 года – я в очередной раз захотел вновь себе представить одно маленькое событие из моего детства, представить, чтобы наконец записать и даже, если будет случай, издать, то оказалось, что сделать это совершенно невозможно. Я тогда сидел в кафе «Трентино» на Шафтсбери-авеню, и там-то и случилось то, что включило меня в событие пятидесятичетырехлетней давности. Но – сначала о самом событии.

17 марта 1937 года я и трое моих друзей по двору были приглашены на день рождения Юрика Рябкина, жившего через два подъезда от моего, в том же доме. Мы пришли около шести вечера и стали играть в столовой в ожидании праздничного ужина. Может быть, это голод и легкая вечерняя детская усталость привели нас в состояние сдержанного ликования или оно было вызвано какими-то другими, нам неизвестными причинами, но мы тихо бегали по комнате, кувыркались на ковре перед диваном и рассказывали разные озорные нелепости, вполголоса, чтобы не слышали взрослые, сидевшие в соседней комнате за вином и закусками.

Витька Мелков, по прозвищу Витька Титька без штанов, сообщил, что некогда разошедшиеся материки, Африка и Южная Америка, должны будут очень скоро снова сдвинуться, и тогда вся Европа повиснет над обрывом нового гигантского Атлантического-Индийского океана. Вовочка Жебич под секретом рассказал о необыкновенной сверхтайной лаборатории, где разрабатывается новый способ оживления трупов, лаборатория так засекречена, что даже не всем членам ЦК о ней известно. Игорь Малахов, по прозвищу Малашка Какашка, подробно объяснил, как можно легко и безопасно красть пирожные из школьного буфета, если отпроситься в уборную за десять минут до большой перемены. И наконец, виновник торжества, Юрик Рябкин, давась от смеха, рассказал, что накануне в школьной уборной писал вместе с учителем географии Арнольдом Сергеевичем Хубыгой и что у того член длиной с указку и он его вызывает ремешком над левым коленом. Нам было очень весело. И тогда это наступило.

Мы не то чтобы замолкли, или затихли, или остановились, но на комнату что-то пало, на нас опустилась какая-то среда, разделившая нас и отделившая друг от друга все наши движения и звуки. Эта среда – я не могу подыскать другого слова, – сама будучи бесцветна и беззвучна, обладала запахом, похожим на запах малинового варенья, и почти осязалась как что-то мягкое и клочковатое.

Я знал, *что* сам чувствовал и что другие говорили и делали. Что они при этом чувствовали и думали, я, разумеется, знать не мог. Так вот, тогда, в столовой у Юрика, ровно в 6.30 вечера, – я и сейчас вижу эту цифру на огромных стенных часах с выгравированной по ободу циферблата надписью «От благодарного коллектива 1-го Московского часового завода Павлу Аполлодоровичу» – я почувствовал, что и я, и остальные четверо, что мы – не мы, а какие-

то существа или силы, имена которых мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем. Что в этот момент все мы и всё в этой комнате – равно самому себе и является самим собой и ничем другим. «Да у вас тут прямо блаженство, – произнесла заглянувшая в дверь мама Юрика, Этери Георгиевна, – угощение будет через двадцать минут». Итак, если она сказала правду, все, что произошло после этого, заняло около двадцати минут.

А произошло вот что. Зазвонили в дверь. За Витькой пришел отец, чтобы повести его к зубному врачу. Расстроенная Этери Георгиевна сунула Витьке в карман пакет с пончиками, но это не было для бедняги большим утешением. Мы продолжали кружиться по комнате, негромко выкрикивая какие-то слова и смеясь. Наваждение не проходило, но я стал улавливать смыслы этих слов (своих – тоже?), собирать их и раскладывать по маленьким кучкам. Кучек было три. Первая: Витька совершил нечто страшное, и за это его необходимо убить, и немедленно. Вторая: сделать это будет легче всего когда он играет один в узком темном проходе между двумя дворами. Следовало там его тихо подстеречь и сзади проколоть ему шею в точке, где позвоночник соединяется с затылком (так называемая «ямка»). Смерть наступает мгновенно. Третья – здесь мнения разделились. Юрик (его папа был начальником районного отделения милиции) полагал, что надо пойти в НКВД и сообщить о совершенном подвиге. Тогда о нас напишут в «Пионерской правде» или в журнале «Костер» и, возможно, даже наградят именным оружием с серебряной насечкой. Вовочка и Малашка настаивали на том, что гораздо благороднее будет совершить безымянный подвиг и молчать об этом всю жизнь, а если кто протрепется, того тут же тайно убить. Хорошо, но что я сам считал? Не знаю. Не был ли я только отражающей стороной? Но в этом случае я не мог бы видеть и слышать себя ни как одного из них, ни, менее всего, как себя самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.